

УДК 2.12: 130.2

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОЦЕНТРИСТА

Матюшкин Игорь Валерьевич

кандидат физико-математических наук

Московский институт электронной техники, Москва

Аннотация. Объектом исследования является Новейшее время как историческая эпоха. Предметом исследования является выделение его принципиально новых (по сравнению с прошлыми эпохами) черт для абстрактно религиозной доктрины. Метод исследования – интроспекция. При анализе мы опираемся на понятия Мегамшины (Л. Мамфорд), симулякр (С. Лем) и инфотайнмента (в широком смысле). Дана оценка «доказательств бытия Бога», свойственная людям нашего времени. Предложена теодицея на основе введения элемента хаоса в Божественное творение. Выделено пять тенденций, экстраполированных на будущее: стабилизация численности населения мира; тенденция к тоталитаризму и превращение демократии в симулякр; технологизация и регламентизация общества; рационализация и примитивизация человека; деградация элиты и забвение Абсолюта.

Ключевые слова: Бог, Абсолют, теоцентризм, история, смысл истории, Средние века, Мегамшина.

CONTEMPORARY HISTORICAL SITUATION FROM THEOCENTRIC POINT OF VIEW

Matyushkin Igor Valerievich

PhD

National Research University of Electronic Technology, Moscow

Abstract. The object of the study is the Modern time as a historical era. The subject of the study is the revealing of its fundamentally, for abstract religious doctrine, new (compared to past eras) features. The research method is introspection. In the analysis we rely on the concepts of Mega Machine (L. Mumford), simulacrum (S. Lem) and infotainment (in a broad sense). The evaluation of «evidence of God's existence» peculiar to people of our era is given. The theodicy is proposed on the basis of introducing the element of chaos in God's creation. Highlighted five trends are extrapolated to the future: the stabilization of world population; trend towards totalitarianism and the transformation of democracy into a simulacrum; the technologization and reglamentaria of the society; rationalizing and simplification of human; a degradation of the elite and oblivion of Absolute.

Keywords: God, Absolute, teocentrism, history, spirit of history, Middle Ages, Mumford, Mega Machine.

Глаза, которыми я вижу Бога,
те же самые, которыми меня видит Бог.

Мейстер Экхарт

Ты кажешься мне преображённым, твой взор горит, плащ возвышенного облакает безобразии твоё, – что делал ты?
Правду ли говорят они, что ты опять воскресил его? И к чему? Разве он не был с полным основанием убит?

Фридрих Ницше
«Так говорит Заратустра», сцена «Праздник осла»

Традиционный подход в истории философии или науки – смотреть на труды какого-либо деятеля с точки зрения современности, выявлять предпосылки возникновения теории (деяний) и следствия для ближайших потомков. Иногда встречается аутентичный подход – попытка посмотреть на эти деяния глазами той же эпохи. Мы же совершим странную вещь: взглянем на современность с точки зрения, например, Фомы Аквинского.

Средневековый интеллектуал (Мейстер Экхарт) не всегда был теологом, т.е. строго придерживался буквы Священного Писания, но быть теоцентристом его заставляла эпоха. Нынешние теологи, включая персон начала-середины XX в. (Ж. Маритен, Э. Жильсон), пытались модернизировать теологию, включили туда ряд нехарактерных элементов; это, например, касается идей эволюционизма. Однако сам дух нашего времени удаляет их от теоцентризма; лишь редкие философы (Р. Генон), преодолев рамки христианской религии, в XX в. воссоздали теоцентризм, казалось бы безнадежно устаревшее мировоззрение. Определение Википедии лаконично передает сущность теоцентризма как «фило-

софской концепции, в основе которой лежит понимание Бога (добавим от себя: Духа) как абсолютного, совершенного, наивысшего бытия, источника всей жизни и любого блага». Можно выделить один предикат в этом определении и говорить о тяге, возможно, тоске по абсолютному, что противостоит духу релятивизма, постмодернизма нашего времени, утверждающего всеобщую относительность, отсутствие Абсолюта и, вообще говоря, надежной опоры. Теоцентрист – тот, кто верит в Абсолют (или, по Рене Генону, в Традицию). Средневековый человек во всех явлениях природы и истории видел символы высшего мира; также и мы будем соотносить феномены нашего времени с Абсолютом, а современность – со Священной Историей. Иногда, помимо нашей воли, этот Абсолют будет выражаться в христианской терминологии. Говоря о современности, мы будем иметь в виду прошлое и нынешнее столетия, т.е. мыслить в среднесрочной перспективе.

Абсолют и оценки, диктуемые им, есть нечто иррациональное, субъектное, плохо поддающееся формализации, нечто мистически вытекающее из внутреннего чувства теоцентриста или теолога. Эти оценки не всегда соответствуют тексту какого-либо Священного Писания или «святоотеческой традиции». И здесь автор действует на свой страх и риск. В качестве яркого и в чем-то принципиального примера приведем концепцию видного деятеля Русской Православной Церкви, профессора Алексея Ильича Осипова о пакибытии («спасутся все»), которая в свете традиционного вероучения, основанного на тексте Нового Завета, выглядит ересью. Христиане привыкли (на основании текстов Евангелия!), что праведникам уготовано вечное блаженство в раю, а грешникам, точнее, не уверовавшим во Христа – вечные муки в аду. Заметим, что это положение весьма уязвимо с позиции справедливости и милосердия Бога, т.к. за конечные, хотя порою омерзительные и страшные, проступки полагается бесконечное возмездие, т.е. Бог оказывается несправедлив.

Своим тезисом о конечности мук Осипов исправляет теорию, но такое исправление, отвечающее духу (Абсолюту), противоречит букве текстов.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ. ЗАЧЕМ БЫЛО РАЗРУШЕНО ЗАПАДНОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?

Прежде чем обратиться к объекту исследования, напомним стандартную культурологическую схему прогресса человечества, для которой удобно применить метафору взросления. В древнейшее время (младенчество) вплоть до расцвета цивилизации Египта и Вавилона (3000 лет до н.э.) общее мировоззрение характеризовалось как анимизм и гилозоизм, включая также культ предков. Несмотря на мифы, человек еще слабо знал и понимал мир. Постепенно младенчество сменилось ранним детством, осознанием единства мира и вплетением своей «ближней» жизни в общее мироздание. Отсюда космоцентризм ранней греческой философии. Затем она претерпела переход от антропоцентризма сократиков к эскапизму неоплатоников и первых христиан. Концом детства, во всяком случае Запада, обычно считается 476 г.н.э. Затем на тысячелетие наступает Средневековье, соотносимое в метафоре с школьным образованием. Несмотря на общую характеристику теоцентризма, выделяют периоды апологетики и схоластики, по-видимому, коррелирующие с ранним Средневековьем (темное время, войны) и высоким Средневековьем, благополучие которого омрачено эпидемией Черной смерти. Последним поэтом Средневековья, в творчестве которого ясно чувствуются возрожденческие мотивы, был Данте Алигьери (умер в 1321 г.). Концом Средних веков можно условно считать 1272 г. (последний Крестовый поход) или 1492 г. (Колумб и Новый Свет). Человечество вступило в стадию самостоятельности и получения «аттестата зрелости», что соответствует Новому времени и условно первым курсам высшего образования. Применительно к истории Германии и частично

Франции кульминация «всплеска гормонов» – период Бури и Натиска (нем. Sturm und Drang), времена Гете и Шиллера, перешедшие в романтизм 19-го века. Вся история Нового времени – это постепенный отход от Абсолюта и религии, вначале элиты, затем народных масс. Это эпоха секуляризации и безверия, а затем релятивизма, наиболее ярко проявившегося в 20-м веке вплоть до наших дней (Новейшее время). Человек получил свободу, но окончательно запутался, ощутив в лице экзистенциализм одиноким и брошенным в мир. На первый план вышли вопросы смысла жизни, обычно «горячие» в период шального студенчества и в пору крушения авторитетов. Наука, объяснив повседневный мир, «разочаровала» его, но вместе с этим мы получили разочарованного человека, прагматичного и лишённого идеалов, зато либо полного иронии ко всему (постмодерн), либо вовсе импотентного к восприятию высшего.

Несмотря на бедствия, войны раннего Средневековья и эпидемии чумы позднего, никогда в истории европейский народ так искренне и истово (флагелланты) не верил в Бога. Зачем же божественное провидение разрушило эту чудную эпоху? Если кто простодушно считает Средние века «темным временем», хочу напомнить, что первый университет был основан в 1088 г. в Болонье задолго до начала Ренессанса. Вопрос допускает другую формулировку, если вспомнить про борьбу гвельфов и гибеллинов: почему так редки в истории теократические государства? Какой дефект в глазах Абсолюта им присущ? На эти вопросы современный теоцентрист должен иметь ответ или, по крайней мере, рабочую гипотезу. Ответ, кстати, может пролить свет на смысл нашего современного исторического времени.

По нашему мнению, нарушена была свобода проявления творчества как одного из существенных свойств Абсолюта в человеке. Спонтанность воли, манифестации «искры Божьей» подавлялось жесткой церковной цензурой. Сама направленность мысли человека была слиш-

ком устремлена в воображаемое небо, что все земное получало несправедливую негативную оценку. Слишком много молились и постились... Косвенным признаком такого строя мыслей является вторичность технических изобретений Средневековья: они либо завозились с Востока, либо наследовались из полузабытых античных записей. Но человек с «искрой Божьей» существует в мире, и именно в мире она должна проявляться, и именно с помощью мира должен развиваться и воспитываться человек как богоподобное существо. Поэтому и было разрушено столь милое и уютное для теоцентриста Средневековье. Чтобы открыть путь к могуществу техники, чтобы, по Фридриху Дессауэру, сделать человека соучастником божественного творения. Мы видим, как на примере виртуальной реальности человек создает новые миры и радикально меняет собственный: земные города приобретают образ россыпи светлячков при взгляде из ночного космоса, а биоразнообразие увеличивается за счет трансгенных существ, а сверх того, искусственный интеллект уже обыгрывает своего создателя в шахматы...

Сейчас в моде скептический взгляд на итоги прогресса, при этом указывается на экологические проблемы, отдаление человека от природы, бездуховность, отчужденность его существования в мире машин и людей, статистику возросших самоубийств, антигуманность индивидуумов (подростковая жестокость) и т.д. Однако, несмотря на ворох таких последствий, научно-технический прогресс, коль скоро он присутствует в Священной истории, постфактум получает позитивную оценку от теоцентриста и Абсолюта.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МНОГООБРАЗИЯ РЕЛИГИЙ И ЭКУМЕНИЗМ

Наиболее яркая черта нашего времени – это глобализация. Она ведет к стиранию границ между культурами, благодаря чему повседневная жизнь унифицируется (нам еще предстоит дать ответ, зачем это нужно

Абсолюту); перемещаются не только товары, люди, но и идеи, в частности, религиозные. Раньше теологи не слишком часто задумывались о существовании других религий, а если и задумывались, то обычно либо мыслили по принципу «свой/чужой», либо проявляли интеллектуальную трусость. Вопрос этот весьма чувствительный, иудеохристианский или иудеомусульманский диалоги подчас полностью отрицаются. Например, ортодоксальному иудею, знакомому с текстами Талмуда, трудно и невозможно, пожалуй, согласиться с тем, что Иисус Христос был именно тем Мессией, сыном Бога, которого ждали пророки. Поэтому и православные теологи, взять того же Осипова, непримиримо относятся к иудаизму; отрицание божественной природы Христа – это знакомая ересь арианства. Другая попытка – создать в рамках экуменизма аморфную общечеловеческую религию – по факту уничтожает все религии, весь их внутренний огонь и веру.

Единственный достойный выход – признать, что возникновение каждой религии имело свою локальную цель в Священной истории человечества, и эта цель преимущественно означает образование/восстановление связи человека с Абсолютом, причем с учетом конкретного исторического места и времени и обусловленного ими облика человека, его способностей и понимания. Истолкования жрецами священных текстов, комментарии к ним – это адаптация велений Духа к местным особенностям социума. Поэтому роль традиции не меньше, чем «аксиоматика» первичного текста, но, как и сам текст, ограничена в пространстве и времени. Следовательно, любой текст не абсолютен.

Вместе с развитием человеческого духа дискретным образом (см. отношение христиан к Ветхому завету как к обветшалому) развивались и представления об Абсолюте. В первобытных религиях Абсолют выступал как страна предков, в политеизме – как космос с присутствующим в нем пантеоном богов, в пантеистической традиции – тождество с единым миром и его духовно-материальными законами (по сути это вся во-

сточная традиция индуизма, буддизма и даосизма). В трех авраамических религиях, появившихся позднее и, следовательно, более прогрессивных, Абсолют трансцендентален миру и приобретает человеческие, хотя и с учетом трансцендентальности, черты. Собственно, здесь дух имеет более личностное и гуманное измерение, пользуясь абстракциями закона (иудаизм), любви (христианство) и преданности (ислам). Эти соответствия условные, поскольку базируются лишь на первичных текстах каждой религии. Высшей точки догматика и понимание духа достигли в христианстве. Мухаммед-пророк сродни Моисею-в-пустыни, но никак не богочеловек Иисус. Да и в религиях Востока Абсолют никогда напрямую не посещал мир, только через аватару. Концепция богочеловека, страдавшего на кресте, издревле встречала трудности усвоения и получала эпитет абсурдности. Ислам возник позже и представляет в религиозном отношении шаг назад в сторону иудаизма. Тогда зачем возник ислам?

По нашему мнению, причина скорее не религиозная, а историческая. Христианству, прежде всего историческому христианству, нужен противник, чтобы оно не дремало и не застаивалось. Это противостояние периодически обострялось. Вначале через арабов (битва при Пуатье, 732 г.), потом через турков (снятие осады Вены, 1683 г.), а в настоящее время через нарастающую исламизацию Европы на фоне обесценивания протестантизма и католицизма. К слову, существование Римской империи было необходимо для быстрого распространения христианства и преодоления еврейской колыбели. Следует заметить, что мы рассуждаем здесь телеологически, принимая во внимания конечные причины, а не производящие, по Аристотелю, причины. Это рассуждение, наверняка, не полно, и у Абсолюта, как гегелевского духа, могли быть и другие резоны.

В поиске телеологии экуменизма, по нашему мнению, совершенно справедлив текст Википедии: «...скорее речь идет о более глубоком об-

щении христианских церквей и общин с тем, чтобы они могли увидеть друг в друге истинное воплощение единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви (Абсолюта – прим. Авт.)». На определенном этапе Священной истории было необходимо, чтобы люди принимали частные тексты и обряды распространенной в народной среде конфессии (религии) за Абсолютную истину; так было и проще, и повышало авторитет жречества (и изрекаемых им «истин»), и препятствовало диффузии в атеизм. На нынешнем этапе, несмотря на консервативность институциональных форм, требуется возвыситься над частными догматиками. При этом, особо подчеркну, обрядовость религии (например, основные «таинства») необходимо сохранить просто ради самодисциплины; она должна исполняться из уважения к Абсолюту добровольно, а естественная леность побеждаться при самоутверждении веры – разве можно назвать кого верующим, даже в случае протестантизма в душе, если он не находит времени/сил для посещения храма Господня (любой конфессии)? Человек посещает храм прежде всего для самого себя, преодолевая себя-мирского, напоминая себе внутри мирской суеты, причем непосредственным образом, о существовании Абсолюта. Выбор же религии в эпоху глобализма делается более осознанно, без принуждения общественной традицией, и тем более ценен каждый верующий по сравнению с теми временами, когда вся община стадом шла в храм.

ПЯТЬ АРГУМЕНТОВ В ПОЛЬЗУ БЫТИЯ БОЖИЯ И ОДИН ВЕСОМЫЙ АРГУМЕНТ ПРОТИВ

Все просвещенные люди уже давно понимают, что пресловутые доказательства бытия Бога «не имеют силы в области разума». Тем не менее, различным может быть их восприятие и эмоциональное воздействие. В каждую историческую эпоху на них смотрят, исходя из суммы добытого знания о мире и действующих стереотипов. Сама картина ми-

ра не способна ни на йоту сдвинуть ход доказательства, но способна изменить его воздействие. Поэтому остановимся на этом аспекте подробнее.

Воспроизведем эти аргументы в авторской формулировке. Разумеется, возможны некоторые вариации в пути доказательства, например, каузальная и модальная формы космологического доказательства, но, по нашему мнению, лишь пять аргументов, пять магистральных путей к Богу возможны. Здесь три классических и две менее известных доказательства:

- Космологическое (от факта самого существования мира; Бог как Творец);
- Телеологическое (от причины упорядоченности, присутствующей в мире; Бог как Конструктор);
- Онтологическое (от смысла жизни и идеалов человека, от назначения мира; Бог как Совершенство, Высший смысл и Конечная причина);
- Этическое (или кантовское, от веры в торжество Справедливости; Бог как Судия);
- Эстетическое (от красоты событий в мире; Бог как Зритель).

Космологический аргумент получил внешнюю поддержку от теории Большого Взрыва. Телеологическое доказательство, имеющие естественнонаучное выражение в проблемах происхождения жизни и человека, получило «пробоины» от дарвиновской теории и теорий самоорганизации, от археологических находок гоминидов и от экспериментального обнаружения экзопланет. Однако имеющиеся числовые неувязки в вероятностях и факт молчания Вселенной, установленный радиотелескопами за последние полвека, сохраняют силу аргумента; из всех пяти аргументов именно этот аргумент производит на меня наибольшее впечатление. Антропный принцип, особенно в сильной форме, также благоприятствует этому аргументу. Однако сам антропный принцип имеет не вполне научное значение; даже если будет найдена математическая

связь физических констант типа скорости света, заряда электрона, постоянных Планка, гравитации, Хаббла, тонкой структуры и т.д., то это будет лишь свидетельством неполноты существующей физической теории.

Для ортодоксального христианства обнаружение разумной жизни на далеких планетах было бы весьма неприятным сюрпризом. Если там есть инопланетяне, то Бог не мог оставить их без спасения, без благовестия, и там должен был быть свой Христос. Страдания Христа на кресте преподносятся нам как жертва Бога ради всего тварного, уникальный акт Вселенского масштаба, но если этот акт совершен хотя бы дважды, он резко обесценивается вплоть до нуля. К счастью для христиан, на экзопланетах пока не обнаружено жизни (найлены лишь следы воды и, возможно, аминокислот), а космических чудес, по Шкловскому, не обнаружено.

Человечество, как мне кажется, успело переболеть мифами о космических кораблях, «бороздящих просторы Вселенной», а освоение ближнего космоса столкнулось с экономическими препятствиями. По-прежнему барьер скорости света остается непреодолимым, хотя в разговоре с людьми несведущими часто слышим «ученые что-то придумают», «изобретут гиперпространственные переходы сквозь черные дыры» и похожие фантастические версии. Чудовищность размеров Вселенной или даже нашей собственной Галактики, если попытаться прочувствовать сухие цифры астрономов, поражают воображение. Если раньше греки по незнанию могли ставить Землю в центр мира, а человечество в фокус внимания Абсолюта, то астрономия возвращает человека вместе с его земными делами и грехами на скромное место. Считать, что Вселенная существует ради человека – это в свете сегодняшнего знания неоправданная дерзость. Но тем не менее сохраняет значение ветхозаветная фраза Пс. 8:5. «что́ есть человек, что Ты помнишь его, и сын че-

ловеческий, что Ты посещаешь его?». Древние подозревали, что Вселенная большая, но они не знали, насколько она чудовищно большая.

Что касается онтологического аргумента, то он почти потерял свою силу. Некоторые нынешние философы за простоватым логическим фасадом не видят истинную его природу, подчас смешивая [1] его с телеологическим. Да и не они одни; Шопенгауэр пренебрежительно отзывался о нем – «[оно] ничего иного, кроме насмешек, не заслуживает». Между тем это доказательство обеспечивает своего сторонника надежным щитом против самоубийства, возвращает ему цель, смысл жизни, внутреннее достоинство через причастность к цели Абсолюта. Впрочем, лучше говорить об осмысленности бытия, нежели чем его цели. Обычно доказательства ведут через онтологизацию предиката совершенства, но эффективнее путь через онтологизацию смысла, т.е. Бог нужен, чтобы весь мир, а с ним и конкретный человек, обрел смысл, пусть и не совсем конкретный.

Религиозный ответ на «проклятый» вопрос о смысле жизни заключается в указании на то, что любой выбор этого смысла человеком уже оправдан в силу причастности к Абсолютному смыслу-цели мира. Последний, кстати, может мыслиться не свершившимся, уже-актуальным, а еще-потенциальным, зависящим в итоге от каждого локального выбора вплоть до выбора последнего разумного существа. Современный урбанизированный человек даже не в силах задуматься о смысле собственной жизни, большую часть времени он находится в состоянии экзистенциальной смерти, он бежит от серьезных вопросов, укрываясь в щедро предоставляемые обществом отдушины развлечений. Оттого-то современность столь слепа в отношении онтологического аргумента. Существующая экономическая система менее всего заинтересована в экзистенциальном бытии человека, ей выгоден человек-потребитель, гонящийся за скидками и акциями в супермаркетах.

Четвертый аргумент, этический, также заметно растерял в силе. Регламентированность городского бытия, законы писанные или неписанные защищают человека от произвола других людей. Не всегда, конечно, но вместе с цивилизацией приходит и безопасность. Если раньше господин мог убить раба, то теперь на стороне наемного рабочего выступают законы. Да, его по-прежнему могут ограбить, не заплатив денег, но не убить или даже мученически убить. Жизнь за последние века смягчилась, путешествия для туристов стали в общем безопасными. Нет бунта в защиту справедливости, нет и основания апелляции к божественному суду и карам. Ворошиловские стрелки все-таки являются исключением. Сколько бы мы ни жаловались на жизнь, ее трудности, безработицу, но необходимо четко представлять, в каких суровых условиях человек жил даже пару веков назад. Даже к военным действиям предъявляют требования гуманности. Образ старухи с клюкой, бессильно проклинаящей обидчика «Бог тебя покарает, ирод», постепенно уходит в прошлое.

Эстетический аргумент сравнительно нов, и есть различные его вариации, например, идущие от сакральности эстетического чувства. Если телеологическое доказательство из целесообразности и красоты, наблюдаемой в мире, делало вывод о Конструкторе, то здесь мы заключаем о необходимости Зрителя. Относительным зрителем является человек, а абсолютным – Бог. Быть может, Зритель одновременно является и Драматургом. Наше время, когда человек склонен скорее казаться, чем быть, испорчен постмодернизмом и лицедейством, должно быть чувствительно к этому извращенному до некоторой степени «театральному» аргументу. Некоторое сомнение вызывается существованием эстетики декаданса, красоты смерти и порока, т.е. имеет место скрытое противоречие с представлением о Боге как моральном существе.

Если теоцентрист оснащен пятью доказательствами бытия Бога, то атеисты знают одно доказательство небытия, причем настолько мощ-

ное, что бьет все пять и порождает реакцию в виде теодицеи. Оно исходит от алогичности, возмущающей несправедливости, даже жестокости некоторых событий. Иногда оно формулируется как проблема существования зла в мире, но я бы говорил не столько о пагубности события, сколько именно об его бессмысленности. В древности ввиду незнания о природе могли списывать гибель родных в эпидемии чумы на происки сатаны или божье испытание, как в случае библейского Иова, или на коллективное наказание народа. Уже Вольтер в поэме «На гибель Лисабона» вопрошал [2] о землетрясении (1755 г.), очевидцем которого был. В XX-м веке были фашистские душегубки и Холокост, уничтоживший 1/3 евреев мира, и ставший вызовом для иудейских теологов. Современные СМИ доносят до нас сообщения о крушениях самолетов, автомобильные аварии с гибелью целых семей стали обыденностью, не говоря уже о терактах. Не только сама природа, то и техносфера, усложнение технологий стали причиной такого зла, и мы стали информированнее о нем. Иногда трагедии есть просто результат рокового стечения обстоятельств, а не чьего-то злого умысла. Много молодежи погибло 20 октября 1982 г. в давке в Лужниках после футбольного матча Спартак – Хаарлем. Из последних трагедий по видео очевидца наиболее запомнилось фатальное попадание 7-летнего мальчика в ливневый сток в пос. Лазаревское близ Сочи (август 2018 г.). Счастливый мальчик радовался курортному отдыху и ливню, резвился возле бабушки; мутный поток воды закрывал сточную канаву, и мальчик на глазах бабушки туда провалился, и был унесен водой в море, где позже нашли его тело. Ни бабушка, бросившаяся за ним, ни прохожие не могли ничего сделать для спасения. Есть некоторая разница в восприятии сухого газетного сообщения или рассказа и в восприятии видео, снятого на мобильный телефон случайным прохожим. Вопрос и стар по форме, и каждый раз нов по эмоциям: «Как Бог допускает такое?».

На наш взгляд, единственный верный путь ответа, несмотря на различные теории, – это допустить случайность и бессмыслицу в мир, поскольку она дает больше добра, чем зла. Случай и закон, бессмыслица и провидение – это в равной степени присуще миру. Детерминированный мир, пусть даже со свободой воли человека – это плохой мир, худший, чем тот, в котором мы живём. И мы должны смириться с этой бессмыслицей, а не обвинять Бога. Любые другие теории либо аморальны («ребенок пострадал за грехи родителей»), либо противоречат физике мира (например, по Осипову, коллективный грех приводит к срабатыванию неких духовных законов, случайно ударяющих, подобно молниям, в материальном мире). Предлагаемое решение довольно радикально, т.к. противоречит традиционным взглядам, причина которых в заблуждении античности и многих философов всех времен, когда Разум становился впереди всего. Одна из причин происхождения религии среди прочих – это иллюзия мыслить мир логичнее, чем он есть на самом деле. Эта иллюзия выражена в Евангелии, Мф. 10:29: «И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены». Народные суеверия типа черной кошки также из этого источника. Итак, нелепица и случай есть неотъемлемые свойства нашего мира.

А вот изучение случайности в математике сравнительно недавно; хотя истоки теории вероятностей относятся к временам Паскаля, но только Колмогоров в XX-м веке повысил статус вероятностей: «Мы имеем по крайней мере одно весьма серьезное преимущество – владеем вероятностным мышлением».

НАС ОЧЕНЬ МНОГО

Население планеты, если не считать кратких периодов, постоянно возрастало, а в последний век возрастало стремительно. Хотя в 1987 г. и был пройден пик скорости роста, но население по-прежнему растет.

Увеличения количества семей с одним ребенком, распространение теорий типа «чайлдфри», а также гомосексуальная «мода» в СМИ (и, вероятно, и в жизни), объективное стирание границ между полами, имеющее, по нашему мнению, простое объяснение в смягчении условий жизни, когда «мужскую» функцию берет на себя техника... Все это немислимо со стороны средневекового европейца, воспитанного на священной заповеди «плодитесь и размножайтесь». Но все это проявления сдерживания численности вида вполне в рамках мальтузианства, и, возможно, требование Абсолюта к современности, а не следствие упадка нравов и якобы морального разложения.

Сколько бы ни кричали о вселенской ценности и неповторимости каждой личности, но она объективно упала, ибо нас – много. Мы действительно винтики. Вот взглянем даже на печатное слово, на великих мыслителей. Их были единицы, но сейчас их сотни. Нынешние таланты отнюдь не уступают прежним, но слишком много конкурентов за внимание общества, и многие уходят безызвестными, если и испытав миг славы, но только в пределах поколения, поскольку на их место приходят другие. В информационном шуме толпы никто не услышит отчаянного крика, ибо и отчаянных криков много, а уж сколько фальшивых криков и просто слов... Это верно и для всех областей деятельности: науки, религии, искусства. Кроме того, все сливки достижений человечества собрали те первые, те великие, что заложили фундамент и по необходимости были первооткрывателями. Нам, потомкам, досталась роль многочисленных последышей, третьих и четвертых, хотя по таланту мы не уступаем даже первым или вторым. Другая сложность состоит в том, что знания и даже мудрость уже не вмещаются в одно сознание, и все огромное наследие распределено по множеству голов (отсюда болезни специализации). Время героев и одиночек безвозвратно ушло.

Многообразие людей поддержано и поддерживает многообразие технологий, а оно поддерживает многообразие интересов и возможно-

стей. Если вы, например, хотите вязать крестиком или восьмеркой, в мире найдется специалист, который сведущ в этом способе и поможет вас научить. Если вы хотите подняться на вершину Эльбруса, милости просим, к вашим услугам гиды, подъемники, снегокаты и прочее снаряжение. При наличии денег нет ничего невозможного. Ибо нас много.

Поколение начала XXI-го века живет прямо-таки в сказочных условиях. Прошли две страшных мировых войны, а государство пока еще не силах создать оруэлловский тоталитаризм, и экологические проблемы, в первую очередь нефтегазовая и мусорная, еще не встали во весь рост. Никогда такого счастливого периода не было в истории человечества, когда оно боролось с голодом, холодом, болезнями и нуждой!

Я далек от апологетики нашего времени, тем более с учетом российским реалий. Всегда есть недовольные, даже в раю, но, вполне допуская, что ваши жалобы объективны, также объективно, что вашим дедом и прадедам приходилось гораздо тяжелее, чем вам. Это и есть прогресс, по поводу которого часто ворчат. Технологии не только облегчили нам жизнь, но и достаточно жестко регламентировали её. Человек впал в рабскую зависимость от технологий, и его свобода допустима лишь в выборе цвета трусов или сортов сыра. Взять даже как будто свободный Интернет: вот существуют форумы, где вроде можно писать все что угодно... в рамках дозволенного правилами, а точнее, в рамках вкуса модератора или администратора, получившими в пределах форума безграничную власть. Не обязательно даже применение штрафных или даже уголовных санкций со стороны государства. Любое неосторожное слово политика может стоить ему должности, как тому саратовскому министру по занятости. На базе цифровой экономики строится новая Мегамашина, по Мамфорду, при сравнении с которой меркнут все прежние Мегамшины. И эта Мегамашина лепит человека как ей угодно, покушаясь на самое священное.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СМЕРТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Процесс глобализации еще не завершен, еще есть экономически отсталые народы, а интеграция может потребовать больше времени, чем представляется сейчас. Хотя статистика показывает, что разрыв между богатыми и бедными странами растет, но стандартизированный образ жизни диффундирует в последние. Даже у сомалийских пиратов есть мобильные телефоны. Географическое разделение труда будет, конечно, сохраняться, но паутина экономических связей уже опутала планету. Урбанизированный образ жизни шествует по планете вместе открытием новых магазинов типа Пятерочки, оставляя все национальные, прежде всего деревенские, особенности на задворках цивилизации. Например, русской культуры уже практически нет, молодежь ориентирована на западные англоязычные продукты. Мегаполисы многоязыки, многолики, аборигены вытесняются «пассионарными» мигрантами, что провоцирует национальные конфликты, жесткой рукой гасимые внутренней цензурой и центральной властью. Возможно, когда-нибудь руководителем России будет этнический китаец или кавказец-полукровка. В этом великом смешении народов, напоминающем переселение народов середины первого тысячелетия н.э., несомненно, видится новое действие Священной истории. Оно только набирает силу.

Общим местом стала горечь по поводу действительной аналогии последних столетий Рима и современной Европы. Моноэтничность Римской республики сменилась космополитизмом поздней Римской империи; с некоторым запозданием ситуацию оформил эдикт императора Каракаллы в 212 г. Если бы во Второй мировой войне победил бы Гитлер с концепцией расовой чистоты, то глобализация в Европе явно забуксовала. Но Священная история распорядилась по-другому, плавильный котел в США получил экономическое преимущество. Попытки расовых и национальных сепаратистов с лозунгом «Х-ландия для Х-лян» (хотя сам

лозунг не содержит ничего плохого и антигуманного как основание альтернативы в виде мононациональных экономик с четкими границами), взять реванш обречены на провал, противореча структуре глобальной экономики и целям Абсолюта. Каковы эти цели? Сложно даже представить. Глобализация же сожрет традиционную культуру и аборигенов, и, немного спустя, культуру «завоевателей». Рискну высказать предположение: национальные конфликты государств, подобные Первой или Второй мировым войнам, при имеющемся ядерном и бактериологическом оружии уничтожили бы всех. Агрессии человеку не занимать – см. анализ А.П. Назаретяном книги этолога К. Лоренца «Агрессия, так называемое зло». Глобализация сродни горькому лекарству против этого. Многонациональное государство больше озабочено собственной целостностью, удержанием границ, чем внешней агрессией.

Существует одна опасность. После «темных» веков раннего Средневековья знания и культура вернулись на Запад с Востока, в т.ч. через Крестовые походы. Если Августин предпочитал Платона, то Фома Аквинский основывался на Аверроэсе и переводном Аристотеле. Если в проекте глобальной системы и диктуемого технологиями и городом образа жизни присутствует дефект, то исправить его будет нельзя. Некому будет передать эстафету знаний и цивилизации.

ИНФОТАЙНМЕНТ И ЗАДЕРЖАННОЕ ДЕТСТВО

Шустрые дети легко осваивают гаджеты, а информацию черпают из соцсетей и ютуба, не всегда отфильтрованную по возрастному цензу. Родители перестают быть авторитетным источником сведений/опыта, тем более, что те устарели из-за прогресса. Родители перестают быть авторитетом вообще, заповедь «чти отца и мать» работает со сбоями, хотя, конечно, проблема отцов и детей всегда была. Оградить детей от гаджетов – вероятно, не самое лучшее средство воспитания через отри-

цание. Возрастает и роль виртуальной реальности, отгораживающей молодого человека от жизненных вызовов. Если раньше возраст взросления равнялся 13 годам и соответствовал биологии развития, то теперь он простирается за 16 лет вплоть до 20 годов. Школа и институт вполне успешно выполняют эту функцию, оставляя взрослеющего человека в стадии искусственно задержанного детства. Далее, некоторую роль, скорее негативную, имеет отсутствие жилья у молодых семей; в крестьянской семье молодожены либо уходили строить дом на новом месте самостоятельно, либо находили место в просторном доме родителей, но сейчас до трех поколений вынуждены ютиться в городской квартире с нормами квадратных метров.

Итак, возрастает теоретическая информированность человека о мире, но падает его практическая сноровка. Технологии требуют именно дисциплинированности и отсутствия вредной самостоятельности у будущего «инженера». Тестовая система в образовании и концепция компетенций воспитывают, а лучше сказать – «дрессируют», именно таких «винтиков». Им, конечно, такое не говорят, провозглашая свободу возможностей и креативность. Различие России и, например, США лишь в методах «дрессировки»; за океаном они не прямые, более тонкие и научно-обоснованные, более глубоко и эффективно воздействующие на сознание. Наш человек побоится бунтовать, у американца же даже мысли такой не возникнет.

Социальные сети подменяют живое общение формально-искусственным общением. Чаты и форумы делают общение злокачественным, эксплуатируя естественную склонность («один шимпанзе не шимпанзе», «человек есть животное политическое»). Мегамашине это выгодно: творческая активность попусту растрачивается в бесплодных постах и сообщениях, по ведь человек раб привычки? В противном случае люди бы начали экзистенциальное существование, начали бы задавать(ся) вопросами, что резко бы снизило их эффективность на рабочем

месте. Человек как бы погружен в сладкую дрему покрывала infotainment, предпочитает выбирать «казаться» при ответе на вопрос «быть или казаться?». Во всем мире политики, чиновники, руководители даже среднего звена мастерски овладели искусством симулякрии (это слово «симулякр» очень метко ввел Станислав Лем). Известная американская улыбка, натянутая на лицо – пример примитивного симулякра, введенного в массы. Внимание человека целенаправленно отвлекается на несущественные вопросы, на искусственную жизнь, на виртуальную жизнь, сотканную перевозносимыми в СМИ информационными технологиями. С точки зрения философии прагматизма такая ситуация вполне хороша – нечего человеку задаваться «вечными вопросами», причем задаваться всерьез, а не в качестве темы говорения или постмодернистской шутки, ведь это чревато конфликтом с Мегамашинной. С точки же зрения теоцентризма погруженность в покрывало infotainment напоминает сон духа, где Абсолюта нет места. Принципиальная новизна текущей исторической ситуации в том, что если раньше «труд в поте лица» отдалял человека от Абсолюта, то теперь свой досуг, дарованной технологиями, он сжигает впустую

Он, допустим, счастлив, но счастлив, как животное. С котятами часто играют, но взрослые коты ленивы и не игривы. Компьютерные игры увлекают много детей, чуть меньше юношей, но известны даже бабушки-геймеры. Отчасти это внешний симптом затянувшегося детства для многих. Однако, в чем-то парадоксально и обратное: преждевременное взросление. Интернет достаточно либерален к возрастным фильтрам; например, почти невозможно запретить малолетке зарегистрироваться на порно-трекере или «взрослом» форуме. Меня также забавят ток-шоу, где дети школьного возраста обсуждают, как будто они взрослые, содержание школьной программы. В этих вопросах они априори не имеют право голоса, но ведущим ток-шоу это не представляется нонсенсом.

Таким образом, стирается грань между поколениями, что, все-таки не следует путать с извечной проблематикой отцов и детей.

Изобретение и фантазия есть необходимое условие научно-технического прогресса, но сама структура нынешней экономики убивает их. Нынешний ученый-винтик напоминает машинку для выполнения бюрократических показателей типа индекса Хирша, автомат для написания статей в журналах, которых мало кто (и никто не?) читает. Искусство подчинено законам пиар-индустрии, концертов/инсталляций в разных клубах. Я выскажу претензию искусству, да и вообще, нашему времени. Оно лишено благородства. А благородство, честь, вышедшие из употребления под натиском прагматизма, напрямую связаны с идеализмом и чувством Абсолюта. Искусство – это самая близка к религии сфера культуры, вплоть до переплетения. Но, конечно, не все, что называется искусством, им является. Нет ничего общего, кроме названия «музыка», между Лунной сонатой Бетховена и композициями Верки Сердючки или рэп-наговорами Гуфа (и это еще не самые последние примеры, а можно было сослаться на «музыкальное творчество» Pharaon, как говорят, кумира школьников). Однако, чем хороша многостилевость нынешнего искусства, так именно тем, что сущность искусство, благородство пробивают себе дорогу, и некоторые современные исполнители все-таки его не лишены, вопреки направленности времени. Благородством в музыке обладают некоторые, написанные от случая к случаю, вещи Шнитке (Вальс Прощание, Признание в любви), фортепианные ноктюрны youtube-канала myuu (Disintegrating, Obsessions), Sad Piano (Slave), по гениальности, вероятно, превосходящие Шопена. Но все это не более 1 % от современной аудио- и видеомакулатуры. Дух прагматизма проник и в науку; один первых вопросов, которые непременно зададут ищущему гранта или степени ученому: «В чем заключается практическая польза того, что вы делаете?». При этом спрашивающий человек с улицы или из кресла руководителя будет искренне недоумевать,

если назвать его вопрос незаконным [3]. Бедные математики, бедные астрономы – им почти нечего возразить, кроме лепета о простых числах и шифрах.

ИСПЫТАНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЕМ

Вне всякого сомнения в прошлые времена людей загоняла в религию крайняя бедность и нищета, страдания, произвол и насилие чужих солдат (или «сатрапов») или своих «власть имеющих». Это не исчезнет никогда, даже в утопическом государстве, которое пытались строить коммунисты (крах идеи коммунизма – это еще один урок Абсолюта в XXв.). Тем не менее мы живем в мягкое время, оттепели, и сами нравы смягчились благодаря влиянию цивилизации и достигнутого технологией уровню жизни, но то здесь, то там проскальзывает звериное лицо человека, его дикость и злоба, отнюдь не первобытные, напротив возвращенные уже на новой почве, лишённые сострадания черты, потому что настоящего страдания этот зверь уже не испытывал при комфортной жизни.

Зато испытанию подвергается стойкость человека к разным удовольствиям, наслаждениям и, наконец, развращенным формам зависимостей. Соблазнов много, бичом нашего времени являются наркотики – и одновременно это вид ухода, протеста против мягкого насилия системы, чинимого над природным человеком (как сказал бы Фрейд, через суперэго). Библейская история об Адаме, Еве, яблоке и змие является гениальным иносказанием о первых, тогда еще природных, соблазнах. Нынешние соблазны гораздо прелестнее прежних, но и человек в общем стал более рассудителен, иногда даже грамотен и дисциплинирован технологией. Кто сохранит трезвость ума и умеренность привычек, тот, так сказать, войдет в царство Божье. По-видимому, в этом одна из целей Абсолюта для современности.

Если кто вырвался из круга отчуждения, проделал внутреннее усилие по раскрытию «искры Божьей», тот, вероятно, достоин большего уважения, по сравнению с тем, кого заставила сделать это нужда. Он выдержал экзамен «золотой клеткой» и представляет более усовершенствованный вариант человека по сравнению со Средневековьем. Он даже сверхчеловек Ницше, «дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, святое слово утверждения».

Однако современность имеет в рамках Священной истории не только смысл «годины искушения», пришедшей испытать всю Вселенную (Откр. 3:7-11), но и смысл достижения духом своей предельной границы в вещественном мире. Имеет место многообразие технических форм, многообразие форм продуктов питания и одежды, многообразие форм удовлетворения сексуальных потребностей, когда дух причудливо находит выражение, например, в порнографической видеопродукции (она восходит до уровня шедевров зрительно-чувственного?) и многообразие формально-математических теорий. В каких-то сферах прогресс достиг предела; сравнительно простой и наглядный пример связан с играми: футболом и шахматами. Все системы игры, игровая теория исчерпана, а практика реализации упирается в предел физической или умственной усталости, и выигрыш становится скорее результатом ошибок противной стороны, а не собственных ярких действий.

Когда такое было в истории? Будет ли подобное, относительно счастливое, время в Священной истории?

МРАЧНЫЕ КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Мы являемся свидетелями процессов, еще не получивших завершения в наше историческое время, но можем попытаться предугадать, чем они завершаться. При этом, конечно, рискуя впасть в простительный грех футурологии или, выражаясь научно (и более узко), форсайт.

Автор принадлежит к числу пессимистов, привлекая в союзники тех, кто писал о конце науки (Джон Хорган), конце искусства (Артур Данто), конце истории (однако не сколько в смысле Френсиса Фукуямы, столько в смысле «новой Полинезии» Гюнтера Штента). Но самый главный союзник – это эсхатологическая, в частности, христианская концепция Священной истории. Хотя никто не знает, как будет выглядеть конец света, когда он придет. Выскажемся осторожнее – мы исследуем ситуацию после завершения уже начавшихся процессов, не привлекая гипотезы о сути еще не начавшихся процессов. Для последних, однако, нужны какие-то основания, новые вызовы – но бесконечен ли список вызовов?

Абсолют через возникновение человеческого разума дал толчок для развития биологического, а косвенно – и неорганического, мира. Разум, увидев перед собой еще нетронутый мир, стал его исследовать, развивая при этом и свои формы. Повторю аргумент Хоргана, наука умирает не потому, что она плоха, а потому что она слишком хорошо за 400 лет изучила природу. Представления о том, что научно-технический прогресс будет «всегда», достаточно наивны – в природе нет бесконечности. Безграничность же Абсолюта сдерживается тварностью, трансцендентной ограниченностью мира. Возникновение разума – это толчок, послуживший причиной более мелких волн в неорганическом (Вернадский), историческом и культурном пространствах. Подходящий образ – когда мы кидаем тяжелый камень в пруд, возникают многообразные затухающие волны. Без вмешательства извне, без вмешательства Абсолюта они исчезнут, и произойдет конец истории. Не убежден, что внутренней спонтанности творчества человека достаточно для преодоления естественного «трения» природной истории. Ближайшая аналогия – тепловое движение молекул неспособно в замкнутой системе производить механическое движение. Конец истории, уже в трактовке Фукуямы – это такое состояние, когда никаких макроскопических процессов не происходит ввиду достижения (культурно-исторического) равновесия.

Какие же процессы происходят в современности? Во-первых, это стабилизация численности населения мира, что исключает демографический императив (Капица, Курдюмов) как фактор прогресса в будущем. Во-вторых, это возрастание роли государства вплоть до тоталитарности. Следует признать, несмотря на симулякр демократии, предназначенный для масс, государство все больше и больше получает рычагов воздействия на индивидуума. Конституция и права человека – это фиговый листочек, прикрывающий ненасытность Левиафана Гоббса. Независимость четырех ветвей власти, провозглашенная краеугольным камнем демократии, де факто нарушается. Финансовая деятельность индивидуума становится открытой банковским и прочим структурам; сейчас это сдерживается оборотом наличных денег, которые в будущем будут запрещены. Регламентация Интернета будет продолжена, прямо или косвенно (через создание подконтрольных государству площадок). В-третьих, технологизация и регламентизация общества. Следует забыть о законах рынка, поскольку Мегамашина займет все экономическое пространство. Выживание атомизированного человека стремится к полной зависимости от встроенности в существующую систему технологий. Общество будет напоминать автоматическую фабрику, где люди и даже руководители есть лишь функциональные элементы. В-четвертых, рационализация и примитивизация человека. От поведения человека требуется только рациональность, подчинение формальным нормам, а эмоции и чувства допускаются только, так сказать, в свободное, внетехнологическое время (либо их направленностью будут манипулировать). Напротив, примитивные инстинкты, делающего из человека потребителя, будут поощряться. Уже сейчас, в рамках трансгуманизма, находятся призывы к преобразования человека, особенно молодежи, так сказать, «к виду, пригодному для логарифмирования», т.е. к удобному Мегамашине. Люди либо будут от рождения эмоциональными инвалидами (бесчувственны), либо будут подавлять эмоции рациональным контролем (а

значит неизбежен внутренний стресс и рост маньяков). Система сама будет менять людей. В-пятых, деградация элиты и забвение Абсолюта. Это неизбежное следствие 4-го процесса. Высшие ценности становятся ненужными для функционирования Мегамшины и связанного с ней обществом потребления. Симулякр высших ценностей и Бога по-прежнему будет присутствовать в обществе, но самих высших ценностей уже не будет. Да и если кто захочет им следовать, проявит инициативу, то Мегамшина будет этому препятствовать. Разрывается связь с Абсолютом, а религия по существу умирает; это состояние Лаодикийской церкви отражено в книге Откровения Нового Завета.

В ближайшее время, примерно в наступающем столетии, мы должны пережить экологический кризис, т.е. сделать систему технологий замкнутой (отход от использования металлов, акцент на органические соединения и разлагающиеся мусор бактерии) по отношению к окружающей среде. В области энергетики ожидается переход на солнечную. Радикальная смена промышленности, её изделий может потребовать большего времени, чем сто лет. В политической сфере Мегамшина неизбежно будет развиваться в сторону единой мировой системы и единой валюты. Не следует исключать достижения биологического бессмертия ввиду успехов геномной инженерии и медицины; впрочем, оно будет доступно только высшей элите, но не «винтикам». Лишь, вероятно, через триста лет следует ожидать чего-то, похожего на конец истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сделана попытка теоцентрического анализа современной исторической ситуации, её включенности в общий ход Священной истории. Выход за рамки настоящего культурно-исторического времени позволяет, при некоторых оговорках, достичь лучшей объективности при описании её главных черт. Следует отметить и сложности такого анализа: а) уро-

вень абстракции, принятый нами для теоцентриста-наблюдателя (прежде всего туманность абриса Бога-Абсолюта); б) широта охвата, поскольку «нельзя объять необъятного» (отделение первостепенного для теоцентриста от второстепенного). При анализе мы существенно использовали понятие Мегамшины, предложенное Льюисом Мамфордом. Мы рискнули также экстраполировать происходящие культурно-исторические процессы на ближнее будущее (от ста до 300 лет) и выделили основные его черты:

1. стабилизация численности населения мира;
2. тенденция к тоталитаризму и превращение демократии в симулякр;
3. технологизация и регламентизация общества;
4. рационализация и примитивизация человека;
5. деградация элиты и забвение Абсолюта.

Обширность объекта исследования потребовала бы и обилия ссылок на литературу, включения каких-то цитат, что непозволительно бы расширило объем статьи (до объема книги). Поэтому некоторые утверждения приводятся кратко, без явного основания.

Список использованных источников

1. Лоциц И.В. Онтологический аргумент в философии Нового времени. Дис. ... канд. филос. наук. 2016.
2. Микулина М. Землетрясение, которое изменило ход истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magspace.ru/blog/ISTORIA/314543.html>
3. Силагадзе З., Пилипчук К. Зачем нужна фундаментальная наука? // Троицкий вариант [Электронный ресурс]. <http://trv-science.ru/2010/09/28/zachem-nuzhna-fundamentalnaya-nauka>

Дата публикации: 22.11.2018

© Матюшкин Игорь Валерьевич